

Предисловие «Полки»

*Роман с криминальным сюжетом
и глубокой религиозно-философской подоплекой.
Достоевский размышляет о пагубности гордыни
и показывает, что преступление не может быть
залогом величия.*

Лев Оборин

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

Нищий и болезненно гордый студент Родион Романович Раскольников решает проверить, способен ли он на поступок, возвышающий его над «обычными» людьми. Для этого он убивает жалкую старую ростовщицу — а затем и ее сестру, случайно оказавшуюся на месте преступления. Достоевский переиначивает детективный сюжет: имя убийцы и состав преступления известны с самого начала, а интригу составляет неотвратимое приближение наказания. Раскольников знакомится с проституткой Соней Мармеладовой, которая способствует его духовному перерождению, по пути к развязке спасает свою сестру от негодяя-жениха и вступает в психологическую дуэль со следователем Порфирием Петровичем. Остросюжетность Достоевский совмещает с предвещающими экзистенциализм философскими вопросами о свободе личности — и создает один из самых важных романов в истории литературы.

КОГДА ОНА НАПИСАНА?

Первые идеи, которые войдут в роман, писатель формулирует в 1863 году. Непосредственная работа над «Преступлением и наказанием» идет в 1865–1866 годах. Роман постепенно разрастается, вбирая в себя некоторые более ранние замыслы. Парал-

лельно Достоевский обдумывает роман «Пьяненькие» («разбирается не только вопрос [о пьянстве], но представляются и все его разветвления, преимущественно картины семейств, воспитание детей в этой обстановке...») и предлагает его издателю «Отечественных записок» Андрею Краевскому. Тот отвечает отказом.

В это время Достоевский находится в крайне стесненном финансовом положении: после смерти брата Михаила, с которым он вместе издавал журнал «Эпоха», писатель, и сам бедствовавший, взял на себя долги покойного. Его осаждали кредиторы. 2 июля 1865 года Достоевский заключил договор с издателем Федором Стелловским: тот брался выпустить трехтомное собрание сочинений Достоевского и обязал его написать новый роман к 1 ноября 1866-го. В противном случае Стелловский получил бы право в течение девяти лет издавать его произведения, ничего не платя автору; Достоевский был бы разорен, и ему бы грозила долговая тюрьма.

В сентябре 1865-го Достоевский предлагает проект «Преступления и наказания» (в то время он еще считает, что это будет небольшая повесть) издателю журнала «Русский вестник» Михаилу Каткову*¹. По словам Достоевского, он собирался сочинить «психологический отчет одного преступления» бедного студента. Герой повести «решился убить одну старуху, титулярную советницу, дающую деньги на проценты», а затем жить честно и приносить

*¹ Михаил Никифорович Катков (1818–1887) — издатель и редактор литературного журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости». В молодости Катков известен как либерал и западник, дружит с Белинским. С началом реформ Александра II взгляды Каткова становятся заметно консервативнее. В 1880-е он активно поддерживает контрреформы Александра III, ведет кампанию против министров нетитульной национальности и вообще становится влиятельной политической фигурой, а его газету читает сам император.

пользу людям, но в конце концов не выдержал мук совести: «он кончает тем, что принужден сам на себя донести. <...> Преступник сам решает принять муки, чтоб искупить свое дело». Здесь налицо основная сюжетная линия будущего романа, но нет еще ни Мармеладовых (они вскоре перейдут в «Преступление и наказание» из так и не написанных «Пьяненьких»), ни Свидригайлова, ни других важных персонажей.

Достоевский усердно работает над романом всю осень, но в конце ноября сжигает написанное и начинает заново. Первые две части романа он отправляет Каткову в декабре 1865-го, затем, уже после их публикации, продолжает работу на протяжении всего 1866 года — постоянно отбиваясь от кредиторов (их именами он награждает в черновиках романа некоторых персонажей).

Кризисный момент наступает в июне: Стелловский напоминает, что в ноябре ждет от Достоевского новый роман, и писатель решается на «небывалую и эксцентрическую вещь» — писать два романа одновременно. Параллельно с «Преступлением и наказанием» он сочиняет «Игрока» — и здесь происходит одно из главных событий его жизни. Для скорости он решает нанять стенографистку, и ему рекомендуют молодую девушку Анну Сниткину. Достоевский диктует ей «Игрока» — роман завершен меньше чем за месяц, писатель спасен. Довольный работой со Сниткиной, Достоевский предлагает ей стенографировать завершение «Преступления и наказания» — но его интерес к помощнице уже совсем не профессиональный. Вскоре он делает Сниткиной предложение, в начале 1867-го она выхо-

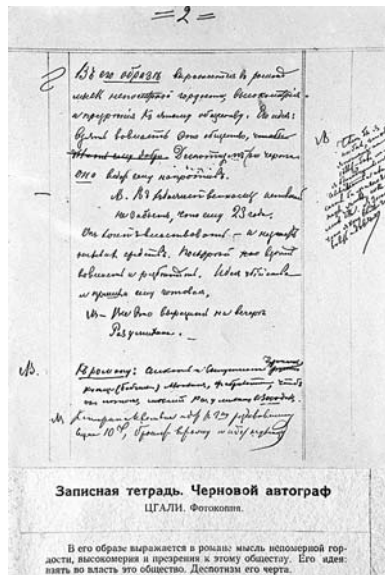
Усадьба в Люблине. 1902 год.
Здесь Достоевский писал «Преступление и наказание» летом 1866 года

дит за Достоевского замуж и до конца его дней остается настоящим его ангелом-хранителем. В канун нового, 1867 года «Преступление и наказание» окончено — невероятный темп для одного из главных романов в истории мировой литературы. Достоевский жаловался в письме: «Я убежден, что ни единый из литераторов наших, бывших и живущих, не писал под такими условиями, под которыми я постоянно пишу, Тургенев умер бы от одной мысли».

КАК ОНА НАПИСАНА?

Первое, что бросается в глаза, — динамичность, острота сюжета. Для многих «серьезных» произведений это был бы скорее минус, но Достоевский, во многом опираясь на структуру авантюрного романа¹, извлекает из этого одни преимущества. При огромной скорости работы он умудряется выстроить сложнейшую систему персонажей и отношений. Мы с самого начала знаем убийцу, но с интересом следим за его изобличением, улавливаем многочисленные параллели к его поведению в поступках и словах других героев — и в то же время ему сопереживаем.

После работ Михаила Бахтина широко распространилось представление о том, что зрелая проза Достоевского полифонична: в его романах происходит напряженный диалог не просто между главными героями, но между их сознаниями — вполне субъектными, самостоятельными, а не просто выражающими различные мысли автора. Хотя в центре «Преступления и наказа-

Черновик «Преступления и наказания».
Из собраний
Дома-музея Достоевского

ния» — сознание Раскольникова, альтернативы ему, пусть в чем-то родственные, можно увидеть в других героях — Свиригайлове, Мармеладове, Порфирии Петровиче. Противоборство этих сознаний, взглядов на жизнь и этики мы и наблюдаем в долгих диалогах героев. Диалог вообще движущая сила прозы Достоевского; по несочувственному отзыву Набокова, ему, «казалось, самой судьбой... было уготовано стать величайшим русским драматургом, но он не нашел своего пути и стал романистом»².

В каком-то смысле «Преступление и наказание» можно назвать инвариантом*¹ сюжета Достоевского: по словам исследователя Сергея Аскольдова, «преступление в романах Достоевского — это жиз-

*¹ Инвариант — общая схема сюжета, не меняющаяся от произведения к произведению.

ненная постановка религиозно-этической проблемы. Наказание — это форма ее разрешения»³. Таким образом, хотя «Достоевский никогда не пропускает случая прибегнуть к сильным эффектам»⁴, криминальная завязка романа — не пошла публичная, охочей до острых переживаний, а необходимое условие для разворачивания философского конфликта. Согласно Борису Энгельгардту, Достоевский писал «не романы с идеей... но романы об идее»⁵. В «Братьях Карамазовых» Алеша так характеризует своего брата Ивана: «Он из тех, которым не надобно миллионов, а надобно мысль разрешить». Раскольников тоже из этой породы.

Можно говорить и о стилистической полифонии «Преступления и наказания». Несмотря на то что доминанта романа — страстные, иногда иступленные реплики (внутренние монологи Раскольникова, исповедь Мармеладова, восклицания Сони), другие герои могут весело шутить (Разумихин), занудствовать (Лужин), ерничать (Порфирий Петрович), неторопливо размышлять как бы сами с собой (Свидригайлов). Позволяет себе юмористический тон и сам «не погрешающий» автор, особенно когда прохаживается насчет иностранцев (например, в изображении квартирной хозяйки Амалии Людвиговны с ее ломаной русской речью. Характерно, что ругательство Катерины Ивановны — «куриная нога в кринолине» — принадлежит самому Достоевскому, который звал так знакомую немку-гувернантку⁶.

ЧТО НА НЕЕ ПОВЛИЯЛО?

На «Преступление и наказание» повлияли как многочисленные литературные традиции, так и реальные события. Обычно называют двух возможных прототипов Раскольникова: приказчика Герасима Чистова, который в 1865 году совершил двойное убийство с целью ограбления, и французского убийцу Пьера Франсуа Ласнера, казненного в 1836-м. Ласнер бахвалился своими преступлениями и, по словам Достоевского, называл себя «мстителем, борцом с общественной несправедливостью». Он был, кроме того, литератором (Раскольников тоже написал статью о психологии преступника), а Чистов — старообрядцем, или, по-другому, раскольников. Еще одно преступление, которое «произвело на Достоевского сильнейшее впечатление»⁷, — покушение бывшего студента Каракозова на Александра II. Оно было совершено в то время, когда Достоевский писал «Преступление и наказание», и могло повлиять на его финал.

В «Преступлении и наказании» можно найти аллюзии на многие наверняка или предположительно известные Достоевскому книги — от «Ревизора» Гоголя и «Парижских тайн» Эжена Сю*¹ до философских работ Макса Штирнера и трудов Чарльза Дарвина. Михаил Бахтин возводит генеалогию прозы Достоевского к европейским авантюрным романам и через них к сократическим диалогам и менишповой

*¹ Эжен Сю (1804–1857) — французский писатель. Автор романов из морского быта (например, «Кернок-пират», «Саламандра»), исторических («Латреомон», «Жан Кавалье») и салонных («Матильда», «Артур», «Чертов холм») романов. В 1840-х годах Сю увлекся социалистическими теориями, под их влиянием написаны романы «Вечный жид», «Парижские тайны», роман «Тайны народа» в 16 томах. После госпереворота Наполеона III был выслан из Парижа.

Пьер Франсуа Ласенер вместе с подельником убивают
Жана Франсуа Шардона и его мать. 1858 год

сатире — жанру, особенности которого Бахтин пытался реконструировать; среди этих особенностей — карнавальность*¹ (одна из важнейших бахтинских эстетических категорий), установка на диалог, исключительные, «сенсационные» события, мотив поиска правды и «трусобный натурализм». Все это действительно можно встретить в «Преступлении и наказании», хотя в большей степени это характерно для комической и фантастической прозы Достоевского.

Очень важна для «Преступления и наказания» европейская романтическая традиция. В рассуждениях Раскольникова об ощущениях приговоренного к казни сказывается не только личный опыт*² Достоевского, но и повесть Виктора Гюго «Последний день приговоренного к смерти». В черновиках романа Достоевский сравнивает Раскольникова с разбойником Жаном Сбогаром — протагонистом романа Шарля Нодье*³. Герои «Преступления и наказания» не случайно много раз

*¹ Этим термином Бахтин обозначил влияние традиций средневекового карнавала на культуру Нового времени. Суть карнавала сводится к «инверсии двоичных противопоставлений», то есть все переворачивается с ног на голову: шут становится королем, богохульник — епископом и т. д. Теорию карнавала Бахтин изложил в работах «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» и «Проблемы поэтики Достоевского».

*² Достоевский был осужден за чтение письма Белинского в кружке петрашевцев и приговорен к смертной казни, которую заменили каторгой.

*³ Жан Шарль Эммануэль Нодье (1780–1844) — французский писатель, энтомолог. Служил

Революционер-террорист
Дмитрий Каракозов. 1865 год.
Покушение Каракозова на Александра II
произвело на Достоевского сильнейшее
впечатление

поминают Шиллера, который был в числе любимых авторов Достоевского; одним из литературных прототипов Раскольникова можно назвать главного героя «Разбойников» Карла Моора. Другие архетипические предки Раскольникова — Гамлет и Фауст: страдающие, терзающиеся герои, которым приходится совершить убийство или косвенно в нем поучаствовать.

Среди русских литературных влияний исследователи называют произведения Пушкина: «Пиковую даму» (в которой молодой человек становится причиной смерти старухи), «Моцарта и Сальери» (идея «несовместности» гения и злодейства), «Бориса Годунова» (мотив раскаяния в преступлении). Топографически

верные, но вместе с тем зловещие образы российской столицы вызывают в памяти не только «Физиологию Петербурга» с ее описаниями петербургских трущоб, но, конечно, и Гоголя, чья проза сохраняла влияние на Достоевского на протяжении всей его жизни.

Как показал Юрий Тынянов, литературные влияния у Достоевского зачастую приобретают пародийную окраску⁸. В «Преступлении и наказании» появляется карикатурный нигилист Лебезятников, «с третьего голоса» перепевающий идеи революционеров. Он заявляет: «Мы пошли дальше в своих убеждениях. Мы больше отрицаем! Если бы встал из гроба Добролюбов, я бы с ним поспорил. А уж Белинского закатал бы!» Он делает нелепые комплименты Петру Петровичу Лужину: «Приписывал ему готовность способствовать будущему и скорому устройству новой “коммуны” где-нибудь в Мещанской улице; или, например, не мешать Дунечке, если той, с первым же месяцем брака, вздумается завести любовника; или не крестить своих будущих детей и проч., и проч. — все в этом роде». Легко узнать здесь утрированную риторику из тургеневских «Отцов и детей» и опошленную идеологию «Что делать?» Чернышевского — так Достоевский в своем в общем не политическом романе одним краем задевает «антинигилистическую» тенденцию русской прозы 1860-х. Впрочем, дальше Лебезятников, несмотря на свою пошлость, оказывается честным человеком, разоблачая обман Лужина: драматичная сцена, в которой Союю обвиняют в краже ста рублей, а потом

библиотекарем. Известность ему принес разбойничий роман «Жан Сбогар». Был участником объединения французских романтиков «Сенакль», писал фантастические и сатирические повести.

этот обман раскрывается, напоминает уже не о русских писателях, а о Диккенсе — почти такой же эпизод можно встретить в «Лавке древностей». Дух Диккенса носится и над одной из следующих сцен, где сошедшая с ума Катерина Ивановна пытается заставить своих детей просить милостыню. Диккенс был одним из любимых писателей Достоевского (правда, история о его встрече с Диккенсом в Лондоне не более чем легенда).

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

Роман печатается в журнале «Русский вестник» на протяжении всего 1866 года — обычная для XIX века «серийная» модель публикации крупных произведений. Сотрудничество было взаимовыгодным: Достоевский избавлялся от долгов, а «Русский вестник» получал известного автора, что прекрасно сказалось на его тираже.

Первые две части выходят в январском и февральском номерах, но дальше возникает заминка: Катков решает отложить публикацию после покушения Дмитрия Каракозова на Александра II. Вероятно, сыграло роль то, что Каракозов, как и Раскольников, был недоучившимся студентом, а печатать подробный самоанализ преступника было опасно в «горячих» политических обстоятельствах (после выстрела Каракозова власти, например, закрыли журнал «Современник»). Это не единственное совпадение «Преступления и наказания» с реальностью: перед самым началом публикации московский студент по фамилии Данилов убил ростовщика и его служанку — преступление широко обсуждалось в печати, при-

чем журналисты сопоставляли Данилова с Раскольниковым.

Публикация возобновляется в апреле и с перерывами длится до декабря. Параллельно в том же «Русском вестнике» печатается «Война и мир» Толстого — два величайших русских романа с самого начала стоят рядом.

Первое отдельное издание романа в двух томах выходит в 1867 году, Достоевский вносит в него существенные поправки. В 1870-м «Преступление и наказание» выходит в том самом собрании сочинений, которое печатал жестокий издатель Стелловский; последнее прижизненное издание романа состоялось в 1877 году.

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

Скажем так: неравнодушно. Первым и глубоко апологетическим отзывом на роман — сразу после начала публикации — стала анонимная заметка в газете «Голос»: рецензент считал, что роман «обещает быть одним из капитальных произведений автора “Мертвого дома”», подчеркивал «потрясающую истину» в описании преступления Раскольникова и особенно хвалил сон об убийстве лошади. Следующая заметная рецензия вышла в «Современнике» — за авторством Григория Елисеева. Она сразу же превратилась в курьез: Елисеев уловил в романе, кажется, только то, что Раскольников был студентом и что разговоры о преступлении ради справедливости — это «самые обыкновенные... молодые разговоры и мысли», и заявил, что у Достоевского «целая корпорация молодых юношей обвиняется в повальном покушении

на убийство с грабежом». Обо всех терзаниях героев Елисеев высказывался так: «...автор в восторге от написанной им драбедени, вероятно, воображает себя знатоком человеческого сердца, чуть-чуть не Шекспиром».

Отзыв «Современника» и другие выдержанные в том же духе реплики из «демократического лагеря» ернически утрирует анонимный рецензент газеты «Гласный суд» — он изобразил ажиотаж вокруг романа («особенно в провинции»):

Только, бывало, и слышишь толки: ах, какой глубокий анализ! Удивительный анализ!.. О, да! — подхватывала другая барыня, у которой и самой уже возбудилось желание пустить в дело это новое словечко, — анализ действительно глубокий, но только знаете ли что? — прибавляла она таинственно, — говорят, анализ-то потому и вышел очень тонкий, что сочинитель сам был... при этом дама наклонялась к уху своей удивленной слушательницы... Неужели?.. Ну да, зарезал, говорят, или что-то вроде этого...

Это очевидное издевательство, но оно кое-что говорит о популярности «Преступления и наказания».

Совсем другой тон взял писатель Николай Ашхарумов, напечатавший свою рецензию в журнале «Всемирный труд». Он разбирал несостоятельность теории Раскольникова («И где у него эти высшие цели?.. Где силы Ньютона и где открытия Кеплера?..»), ставил под сомнение его восхищение «необыкновенными людьми» («Если их и венчала толпа, то ведь он же

за то и презирает толпу») — и первым высказал мнение, которое впоследствии не раз произносилось: Раскольников — поэт, писатель, почти такой, как Достоевский, только Достоевский как раз никого бы не зарезал:

Мы должны допустить, что автор сделал ошибку, не отделив достаточно ясной чертой себя от своего создания. <...> Анализ, в основе своей глубоко верный, получил ложный оттенок, и этот ложный оттенок явился вокруг головы Раскольникова какою-то бледною ореолою падшего ангела, которая вовсе ему не к лицу.

Две статьи*¹ о «Преступлении и наказании» опубликовал Дмитрий Писарев. Он, по своему обыкновению, подходит к роману «объективно»: выводит преступление Раскольникова из его социального положения — «мелкой и неудачной борьбы за существование». Обычные человеческие чувства, любовь к родным «становятся противозаконными и противообщественными... с той минуты, как Раскольников превратился в голодного и оборванного бедняка». Теорию Раскольникова Писарев всячески старается «отвязать» от воззрений «новых людей», сопоставление Наполеона с Ньютоном и Кеплером отвергает («никакая любовь к идее никогда не могла превратить их в мучителей по той простой причине, что мучения никого не убеждают, а следовательно, никогда не приносят ни малейшей пользы той идее, во имя которой они производятся»), а идею о, как говорится, роли личности в истории критикует с позитивистских позиций: по его

*¹ «Будничные стороны жизни» (1867) и «Борьба за существование» (1868).

мнению, отдельная личность может совершать великие дела, только когда совпадает с «великими общими причинами» (прямотаки толстовская «сила, движущая народами»).

Николай Страхов в статье «Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание», напротив, прямо увязывал поведение «честного убийцы» Раскольникова с нигилистской блажью: «Автор взял нигилизм в самом крайнем его развитии, в той точке, дальше которой уже почти некуда идти. <...> От девушки, из теории обстригающей себе косу, до Раскольникова, из теории убивающего старуху, расстояние велико, но все-таки это явления однородные». Впрочем, «Раскольников не есть тип»: его преступление все же «случай в высокой степени характеристический, но исключительный», и для заблудшего героя, как и для нигилистов, не все потеряно:

Ведь нет никакого сомнения, что душа у них все-таки просыпается с своими вечными требованиями. Притом не все же они пусты и сухи. <...> Даже само страшное дело, совершенное Раскольниковым, для людей, коротко его узнавших, указывает на силу души, хотя извращенную и заблудшуюся.

Страхов считал, что Достоевский не до конца справился со своей огромной задачей: несмотря на «воскресение» Раскольникова в эпилоге, читатель так и не получает «внутреннего переворота в Раскольникове... пробуждения в нем истинно человеческого образа чувств и мыслей». Самое замечательное в страховской статье — анализ психологии Раскольникова: как мы помним, первая формули-

ровка замысла Достоевского — «психологический отчет одного преступления», и Страхов говорит о том, насколько убедительно показано восприятие Раскольниковым собственного поступка, во всех стадиях, вплоть до неизбежного финала. «Вы один меня поняли», — позже сказал Страхову Достоевский.

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

За «Преступлением и наказанием» последовали остальные романы из «великого пятикнижия» Достоевского — «Идиот», «Бесы», «Подросток» и «Братья Карамазовы». Еще при жизни Достоевского отрывок из «Преступления и наказания» перевели на французский; в 1880-е книга была переведена на основные европейские языки. Роман оказал важное влияние на западную литературу — оно было ощутимо уже в XIX веке (можно вспомнить роман Поля Бурже «Ученик» 1889 года), но по-настоящему сказало в XX: мотивы «Преступления и наказания» можно встретить у английских модернистов, таких как Вирджиния Вулф и Д. Г. Лоуренс, у французских экзистенциалистов Сартра и Камю (особенно в «Постороннем»). Еще отчетливее следы «Преступления и наказания» в немецкоязычной прозе — назовем Густава Мейринка, Леонгарда Франка, Йозефа Рота, Стефана Цвейга, Роберта Музиля⁹.

В России отношение к «Преступлению и наказанию» менялось вместе с восприятием Достоевского вообще. В конце XIX века «демократическому» пониманию писателя (которое отстаивал, например, Николай Михайловский, призывав-

Преступление и наказание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер, один молодой человек вышел из своей каморки, которую нанимал от жильцов в С-м переулке, на улицу и медленно, как бы в нерешимости, отправился к К-ну мосту.

Он благополучно избежал встречи с своею хозяйкой на лестнице. Каморка его приходилась под самую кровлей высокого пятиэтажного дома и походила более на шкаф, чем на квартиру. Квартирная же хозяйка его, у которой он нанимал эту каморку с обедом и прислугой, помещалась одною лестницей ниже, в отдельной квартире, и каждый раз, при выходе на улицу, ему непременно надо было проходить мимо хозяйкиной кухни, почти всегда настежь отворенной на лестницу. И каждый раз молодой человек, проходя мимо, чувствовал какое-то болезненное и трусливое ощущение, которого стыдился и от которого морщился. Он был должен кругом хозяйке и боялся с нею встретиться.

Не то чтоб он был так труслив и забит, совсем даже напротив; но с некоторого времени он был в раздражительном и напряженном состоянии, похожем на ипохондрию. Он до того углубился в себя и уединился от всех, что боялся даже всякой встречи, не только встречи с хозяйкой. Он был задавлен бедностью; но даже стесненное положение перестало в последнее время тяготить его. Насущными делами своими он совсем перестал и не хотел заниматься. Никакой хозяйки, в сущности, он не боялся, что бы та ни замышляла против него. Но останавливаться на лестнице, слушать всякий вздор про всю эту обыденную

дребедень, до которой ему нет никакого дела, все эти приставания о платеже, угрозы, жалобы, и при этом самому изворачиваться, извиняться, лгать, — нет уж, лучше проскользнуть как-нибудь кошкой по лестнице и улизнуть, чтобы никто не видал.

Впрочем, на этот раз страх встречи с своею кредиторшей даже его самого поразил по выходе на улицу.

«На какое дело хочу покуситься и в то же время каких пустяков боюсь! — подумал он с странною улыбкой. — Гм... да... всё в руках человека, и всё-то он мимо носу пронесет, единственно от одной трусости... это уж аксиома... Любопытно, чего люди больше всего боятся? Нового шага, нового собственного слова они всего больше боятся... А впрочем, я слишком много болтаю. Оттого и ничего не делаю, что болтаю. Пожалуй, впрочем, и так: оттого болтаю, что ничего не делаю. Это я в этот последний месяц выучился болтать, лежа по целым суткам в углу и думая... о царе Горохе. Ну зачем я теперь иду? Разве я способен на *это*? Разве *это* серьезно? Совсем не серьезно. Так, ради фантазии сам себя тешу; игрушки! Да, пожалуй что и игрушки!»

На улице жара стояла страшная, к тому же духота, толкотня, всюду известка, леса, кирпич, пыль и та особенная летняя вонь, столь известная каждому петербуржцу, не имеющему возможности нанять дачу, — все это разом неприятно потрясло и без того уже расстроенные нервы юноши. Нестерпимая же вонь из распивочных, которых в этой части города особенное множество, и пьяные, поминутно попадавшие, несмотря на буднее время, довершили отвратительный и грустный колорит картины. Чувство глубочайшего омерзения мелькнуло на миг в тонких чертах молодого человека. Кстати, он был замечательно хорош собою, с прекрасными темными глазами, темно-рус, ростом выше среднего, тонок и строен. Но скоро он впал как бы в глубокую задумчивость, даже, вернее сказать, как бы в какое-то забытье, и пошел, уже не замечая окружающего, да и не желая его замечать. Изредка только бормотал он что-то про себя, от своей привычки к монологам, в которой он сейчас сам себе признался. В эту же минуту он и сам сознавал, что мысли его порою мешаются и что он очень слаб: второй день как уж он почти совсем ничего не ел.

Он был до того худо одет, что иной, даже и привычный человек, посовестился бы днем выходить в таких лохмотьях на улицу. Впрочем, квартал был таков, что костюмом здесь было трудно кого-нибудь удивить. Близость Сенной, обилие известных заведений и, по преимуществу, цеховое и ремесленное население, скученное в этих срединных петербургских улицах и переулках, пестрили иногда общую панораму такими субъектами, что странно было бы и удивляться при встрече с иною фигурой. Но столько злобного презрения уже накопилось в душе молодого человека, что, несмотря на всю свою, иногда очень молодую, щекоотливость, он менее всего совестился своих лохмотьев на улице. Другое дело при встрече с иными знакомыми или с прежними товарищами, с которыми вообще он не любил встречаться... А между тем, когда один пьяный, которого неизвестно почему и куда провозили в это время по улице в огромной телеге, запряженной огромною ломовою лошадию, крикнул ему вдруг, проезжая: «Эй ты, немецкий шляпник!» — и заорал во все горло, указывая на него рукой, — молодой человек вдруг остановился и судорожно схватился за свою шляпу. Шляпа эта была высокая, круглая, циммермановская, но вся уже изношенная, совсем рыжая, вся в дырах и пятнах, без полей и самым безобразнейшим углом заломившаяся на сторону. Но не стыд, а совсем другое чувство, похожее даже на испуг, охватило его.

— Я так и знал! — бормотал он в смущении, — я так и думал! Это уж всего сквернее! Вот эдакая какая-нибудь глупость, какая-нибудь пошлейшая мелочь, весь замысел может испортить! Да, слишком приметная шляпа... Смешная, потому и приметная... К моим лохмотьям непременно нужна фуражка, хотя бы старый блин какой-нибудь, а не этот урод. Никто таких не носит, за версту заметят, запомнят... главное, потом запомнят, а и улика. Тут нужно быть как можно неприметнее... Мелочи, мелочи главное!.. Вот эти-то мелочи и губят всегда и всё...

Идти ему было немного; он даже знал, сколько шагов от ворот его дома: ровно семьсот тридцать. Как-то раз он их сосчитал, когда уж очень размечтался. В то время он и сам еще не верил этим мечтам своим и только раздражал себя их безобразною, но соблазнительною дерзостью. Теперь же, месяц спустя, он уже

начинал смотреть иначе и, несмотря на все поддразнивающие монологи о собственном бессилии и нерешимости, «безобразную» мечту как-то даже поневоле привык считать уже предприятием, хотя все еще сам себе не верил. Он даже шел теперь делать *пробу* своему предприятию, и с каждым шагом волнение его возрастало все сильнее и сильнее.

С замиранием сердца и нервной дрожью подошел он к преогромнейшему дому, выходявшему одною стеной на канаву, а другою в —ю улицу. Этот дом стоял весь в мелких квартирах и заселен был всякими промышленниками — портными, слесарями, кухарками, разными немцами, девицами, живущими от себя, мелким чиновничеством и проч. Входящие и выходящие так и шмыгали под обоими воротами и на обоих дворах дома. Тут служили три или четыре дворника. Молодой человек был очень доволен, не встретив ни которого из них, и неприметно проскользнул сейчас же из ворот направо на лестницу. Лестница была темная и узкая, «черная», но он все уже это знал и изучил, и ему вся эта обстановка нравилась: в такой темноте даже и любопытный взгляд был неопасен. «Если о сю пору я так боюсь, что же было бы, если б и действительно как-нибудь случилось до самого *дела* дойти?..» — подумал он невольно, проходя в четвертый этаж. Здесь загородили ему дорогу отставные солдаты-носильщики, выносившие из одной квартиры мебель. Он уже прежде знал, что в этой квартире жил один семейный немец, чиновник: «Стало быть, этот немец теперь выезжает, и, стало быть, в четвертом этаже, по этой лестнице и на этой площадке, остается, на некоторое время, только одна старухина квартира занятая. Это хорошо... на всякой случай...» — подумал он опять и позвонил в старухину квартиру. Звонок брякнул слабо, как будто был сделан из жести, а не из меди. В подобных мелких квартирах таких домов почти всё такие звонки. Он уже забыл звон этого колокольчика, и теперь этот особенный звон как будто вдруг ему что-то напомнил и ясно представил... Он так и вздрогнул, слишком уж ослабели нервы на этот раз. Немного спустя дверь приотворилась на крошечную щелочку: жилища оглядывала из щели пришедшего с видимым недоверием, и только виднелись ее сверкавшие из темноты глазки. Но увидав на площадке много народу,

она ободрилась и отворила совсем. Молодой человек переступил через порог в темную прихожую, разгороженную перегородкой, за которою была крошечная кухня. Старуха стояла перед ним молча и вопросительно на него глядела. Это была крошечная, сухая старушонка, лет шестидесяти, с острыми и злыми глазками, с маленьким острым носом и простоволосая. Белобрысые, мало поседевшие волосы ее были жирно смазаны маслом. На ее тонкой и длинной шее, похожей на куриную ногу, было навячено какое-то фланелевое тряпье, а на плечах, несмотря на жару, болталась вся истрепанная и пожелтелая меховая кацавейка. Старушонка поминутно кашляла и кряхтела. Должно быть, молодой человек взглянул на нее каким-нибудь особенным взглядом, потому что и в ее глазах мелькнула вдруг опять прежняя недоверчивость.

— Раскольников, студент, был у вас назад тому месяц, — поспешил пробормотать молодой человек с полупоклоном, вспомнив, что надо быть любезнее.

— Помню, батюшка, очень хорошо помню, что вы были, — отчетливо проговорила старушка, по-прежнему не отводя своих вопрошающих глаз от его лица.

— Так вот-с... и опять, по такому же дельцу... — продолжал Раскольников, немного смутившись и удивляясь недоверчивости старухи.

«Может, впрочем, она и всегда такая, да я в тот раз не заметил», — подумал он с неприятным чувством.

Старуха помолчала, как бы в раздумье, потом отступила в сторону и, указывая на дверь в комнату, произнесла, пропуская гостя вперед:

— Пройдите, батюшка.

Небольшая комната, в которую прошел молодой человек, с желтыми обоями, геранями и кисейными занавесками на окнах, была в эту минуту ярко освещена заходящим солнцем. «И тогда, стало быть, так же будет солнце светить!..» — как бы невзначай мелькнуло в уме Раскольникова, и быстрым взглядом окинул он все в комнате, чтобы по возможности изучить и запомнить расположение. Но в комнате не было ничего особенного. Мебель, вся очень старая и из желтого дерева, состояла из дивана с огромною

выгнутою деревянною спинкой, круглого стола овальной формы перед диваном, туалета с зеркальцем в простенке, стульев по стенам да двух-трех грошовых картинок в желтых рамках, изображавших немецких барышень с птицами в руках, — вот и вся мебель. В углу перед небольшим образом горела лампада. Все было очень чисто: и мебель, и полы были оттерты под лоск; все блестело. «Лизаветина работа», — подумал молодой человек. Ни пылинки нельзя было найти во всей квартире. «Это у злых и старых вдовиц бывает такая чистота», — продолжал про себя Раскольников и с любопытством покосился на ситцевую занавеску перед дверью во вторую, крошечную комнатку, где стояли старухины постель и комод и куда он еще ни разу не заглядывал. Вся квартира состояла из этих двух комнат.

— Что угодно? — строго произнесла старушонка, войдя в комнату и по-прежнему становясь прямо перед ним, чтобы глядеть ему прямо в лицо.

— Заклад принес, вот-с! — И он вынул из кармана старые плоские серебряные часы. На оборотной дощечке их был изображен глобус. Цепочка была стальная.

— Да ведь и прежнему закладу срок. Еще третьего дня месяц как минул.

— Я вам проценты еще за месяц внесу; потерпите.

— А в том моя добрая воля, батюшка, терпеть или вещь вашу теперь же продать.

— Много ль за часы-то, Алена Ивановна?

— А с пустяками ходишь, батюшка, ничего, почитай, не стоит. За колечко вам прошлый раз два билетика внесла, а оно и купить-то его новое у ювелира за полтора рубля можно.

— Рубля-то четыре дайте, я выкуплю, отцовские. Я скоро деньги получу.

— Полтора рубля-с и процент вперед, коли хотите-с.

— Полтора рубля! — вскрикнул молодой человек.

— Ваша воля. — И старуха протянула ему обратно часы. Молодой человек взял их и до того рассердился, что хотел было уже уйти; но тотчас одумался, вспомнив, что идти больше некуда и что он еще и за другим пришел.

— Давайте! — сказал он грубо.

Старуха полезла в карман за ключами и пошла в другую комнату за занавески. Молодой человек, оставшись один среди комнаты, любопытно прислушивался и соображал. Слышно было, как она отперла комод. «Должно быть, верхний ящик, — соображал он. — Ключи она, стало быть, в правом кармане носит... Все на одной связке, в стальном кольце... И там один ключ есть всех больше, втрое, с зубчатой бородкой, конечно, не от комода... Стало быть, есть еще какая-нибудь шкатулка, али укладка... Вот это любопытно. У укладок всё такие ключи... А впрочем, как это подло всё...»

Старуха воротилась.

— Вот-с, батюшка: коли по гривне в месяц с рубля, так за полтора рубля причтется с вас пятнадцать копеек, за месяц вперед-с. Да за два прежних рубля с вас еще причтается по сему же счету вперед двадцать копеек. А всего, стало быть, тридцать пять. Приходится же вам теперь всего получить за часы ваши рубль пятнадцать копеек. Вот получите-с.

— Как! так уж теперь рубль пятнадцать копеек!

— Точно так-с.

Молодой человек спорить не стал и взял деньги. Он смотрел на старуху и не спешил уходить, точно ему еще хотелось что-то сказать или сделать, но как будто он и сам не знал, что именно...

— Я вам, Алена Ивановна, может быть, на днях, еще одну вещь принесу... серебряную... хорошую... папиросочницу одну... вот как от приятеля ворочу... — Он смутился и замолчал.

— Ну тогда и будем говорить, батюшка.

— Прощайте-с... А вы всё дома одни сидите, сестрицы-то нет? — спросил он как можно развязнее, выходя в переднюю.

— А вам какое до нее, батюшка, дело?

— Да ничего особенного. Я так спросил. Уж вы сейчас... Прощайте, Алена Ивановна!

Раскольников вышел в решительном смущении. Смущение это все более и более увеличивалось. Сходя по лестнице, он несколько раз даже останавливался, как будто чем-то внезапно пораженный. И наконец, уже на улице, он воскликнул:

«О Боже! как это все отвратительно! И неужели, неужели я... нет, это вздор, это нелепость! — прибавил он решительно. — И неужели

такой ужас мог прийти мне в голову? На какую грязь способно, однако, мое сердце! Главное: грязно, пакостно, гадко, гадко!.. И я, целый месяц...»

Но он не мог выразить ни словами, ни восклицаниями своего волнения. Чувство бесконечного отвращения, начинавшее давить и мутить его сердце еще в то время, как он только шел к старухе, достигло теперь такого размера и так ярко выяснилось, что он не знал, куда деться от тоски своей. Он шел по тротуару как пьяный, не замечая прохожих и сталкиваясь с ними, и опомнился уже в следующей улице. Оглядевшись, он заметил, что стоит подле распивочной, в которую вход был с тротуара по лестнице вниз, в подвальный этаж. Из дверей, как раз в эту минуту, выходили двое пьяных и, друг друга поддерживая и ругая, взбирались на улицу. Долго не думая, Раскольников тотчас же спустился вниз. Никогда до сих пор не входил он в распивочные, но теперь голова его кружилась, и к тому же палящая жажда томила его. Ему захотелось выпить холодного пива, тем более что внезапную слабость свою он относил и к тому, что был голоден. Он уселся в темном и грязном углу, за липким столиком, спросил пива и с жадностью выпил первый стакан. Тотчас же все отлегло, и мысли его прояснили. «Все это вздор, — сказал он с надеждой, — и нечем тут было смущаться! Просто физическое расстройство! Один какой-нибудь стакан пива, кусок сухаря, — и вот, в один миг, крепнет ум, яснееет мысль, твердеют намерения! Тьфу, какое все это ничтожество!..» Но, несмотря на этот презрительный плевок, он глядел уже весело, как будто внезапно освободясь от какого-то ужасного бремени, и дружелюбно окинул глазами присутствующих. Но даже и в эту минуту он отдаленно предчувствовал, что вся эта восприимчивость к лучшему была тоже болезненная.

В распивочной на ту пору оставалось мало народу. Кроме тех двух пьяных, что попались на лестнице, вслед за ними же вышла еще разом целая ватага, человек в пять, с одной девкой и с гармонией. После них стало тихо и просторно. Остались: один хмельной, но немного, сидевший за пивом, с виду мещанин; товарищ его, толстый, огромный, в сибирке и с седой бородой, очень захмелевший, задремавший на лавке и изредка, вдруг,

как бы спросонья, начинавший прищелкивать пальцами, расставив руки врозь, и подпрыгивать верхнею частию корпуса, не вставая с лавки, причем подпевал какую-то ерунду, силясь припомнить стихи, вроде:

Целый год жену ласкал,
Цел-лый год же-ну лас-кал...

Или вдруг, проснувшись, опять:

По Подьяческой пошел,
Свою прежнюю нашел...

Но никто не разделял его счастья; молчаливый товарищ его смотрел на все эти взрывы даже враждебно и с недоверчивостью. Был тут и еще один человек, с виду похожий как бы на отставного чиновника. Он сидел особо, перед своею посудинкой, изредка отпивая и посматривая кругом. Он был тоже как будто в некотором волнении.

II

Раскольников не привык к толпе и, как уже сказано, бежал всякого общества, особенно в последнее время. Но теперь его вдруг что-то потянуло к людям. Что-то совершалось в нем как бы новое, и вместе с тем ощутилась какая-то жажда людей. Он так устал от целого месяца этой сосредоточенной тоски своей и мрачного возбуждения, что хотя одну минуту хотелось ему вздохнуть в другом мире, хоть бы в каком бы то ни было, и, несмотря на всю грязь обстановки, он с удовольствием оставался теперь в распивочной.

Хозяин заведения был в другой комнате, но часто входил в главную, спускаясь в нее откуда-то по ступенькам, причем прежде всего выказывались его щегольские смазные сапоги с большими красными отворотами. Он был в поддевке и в страшно засаленном черном атласном жилете, без галстука, а все лицо

его было как будто смазано маслом, точно железный замок. За застойкой находился мальчишка лет четырнадцати, и был другой мальчишка моложе, который подавал, если что спрашивали. Стояли крошеные огурцы, черные сухари и резанная кусочками рыба; все это очень дурно пахло. Было душно, так что было даже нестерпимо сидеть, и все до того было пропитано винным запахом, что, кажется, от одного этого воздуха можно было в пять минут сделаться пьяным.

Бывают иные встречи, совершенно даже с незнакомыми нам людьми, которыми мы начинаем интересоваться с первого взгляда, как-то вдруг, внезапно, прежде чем скажем слово. Такое точно впечатление произвел на Раскольникова тот гость, который сидел поодаль и походил на отставного чиновника. Молодой человек несколько раз припоминал потом это первое впечатление и даже приписывал его предчувствию. Он непрерывно взглядывал на чиновника, конечно, и потому еще, что и сам тот упорно смотрел на него, и видно было, что тому очень хотелось начать разговор. На остальных же, бывших в распивочной, не исключая и хозяина, чиновник смотрел как-то привычно и даже со скукой, а вместе с тем и с оттенком некоторого высокомерного пренебрежения, как бы на людей низшего положения и развития, с которыми нечего ему говорить. Это был человек лет уже за пятьдесят, среднего роста и плотного сложения, с проседью и с большою лысиной, с отекившим от постоянного пьянства желтым, даже зеленоватым лицом и с припухшими веками, из-за которых сияли крошечные, как щелочки, но одушевленные красноватые глазки. Но что-то было в нем очень странное; во взгляде его светилась как будто даже восторженность, — пожалуй, был и смысл и ум, — но в то же время мелькало как будто и безумие. Одет он был в старый, совершенно оборванный черный фрак, с осыпавшимися пуговицами. Одна только еще держалась кое-как, и на нее-то он и застегивался, видимо желая не удаляться приличий. Из-под нанкового жилета торчала манишка, вся скомканная, запачканная и залитая. Лицо было выбрито, по-чиновничьи, но давно уже, так что уже густо начала выступать сизая щетина. Да и в ухватках его действительно было что-то солидно-чиновничье. Но он был в беспокойстве, ерошил волосы и подпирал

Содержание

Предисловие «Полки»	5
Преступление и наказание.....	39
<i>Часть первая</i>	41
<i>Часть вторая</i>	127
<i>Часть третья</i>	231
<i>Часть четвертая</i>	315
<i>Часть пятая</i>	395
<i>Часть шестая</i>	473
<i>Этилог</i>	569
Примечания	587
Источники иллюстраций	589